Рита
Хоффман

МРАЧНЫЙ ВЗВОД

Двенадцать дней Коляды

МИФ

МИФ Проза

Рита Хоффман

Мрачный Взвод. Двенадцать дней Коляды. Новая классика

«Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»
2023

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос)6-445.13

Хоффман Р.

Мрачный Взвод. Двенадцать дней Коляды. Новая классика / Р. Хоффман — «Манн, Иванов и Фербер (МИФ)», 2023 — (МИФ Проза)

ISBN 978-5-00-281280-6

Добрых людей Коляда золотом осыпает, злым же глаза на угли меняет – всякому по заслугам, всякому по деяниям. За Колядой следует свита – сборище тварей, с которыми не каждый охотник Мрачного Взвода справится. Но Варна, отравленная силой Зверя, и Дарий, вечно юный мертвец, сталкивались и не с таким. А пока они сражаются с нечистью, Свят спускается в Навь, чтобы найти своего брата. Его путь полон опасностей и искушений, ведь любовь и предательство всегда идут рука об руку. Наступает Коляда – и эти двенадцать дней переживут не все…

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос)6-445.13

ISBN 978-5-00-281280-6

© Хоффман Р., 2023
© Манн, Иванов и Фербер (МИФ), 2023

Содержание

Пролог 6
Глава 1. Иван 7
Глава 2. Варна 9
Глава 3. Святослав 21
Глава 4. Варна 24
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Рита Хоффман
Мрачный взвод. Двенадцать дней Коляды

Книга не пропагандирует употребление алкоголя. Употребление алкоголя вредит вашему здоровью.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Рита Хоффман, 2023
© Оформление. ООО «МИФ», 2027

* * *

Посвящается Святу.
Расти и сияй, маленькая звездочка

Пролог

В полумраке горницы были слышны медленные шаги и шуршание сестринского одеяния. Дрожащий огонек свечи освещал бледное узкое лицо и яркие, словно тлеющие угли, зеленые глаза. Тишину нарушали лишь скрип перьев и тяжелое дыхание женщин, чинно восседавших на высоких стульях.

Рослава медленно обошла одну из них и встала за ее спиной. От цепкого взгляда не укрылось ничего – ни одной линии, ни одного штриха кисти.

– Хорошо, – тихо сказала Рослава и провела рукой по спутанной косе девушки. – Скажи мне, когда закончишь, и ее отвезут в ближайшую деревню.

Работа спорилась. Сестры еще никогда не подводили Рославу. Их стараниями множество икон уже развезли по окрестным деревням и городам. Скоро, очень скоро наступит тот миг, которого они все так долго ждали. А потом…

Потом – свобода. Свобода для всех, кто так долго исполнял волю Зверя.

Он обещал. И он не предаст их.

Глава 1. Иван

Зима выдалась лютая, не иначе кто-то разозлил старика Студенца. Может, плохо задабривали его, мало жертв принесли – кто его разберет! Теперь знай ползи в снегу по колено, трясись от холода, а он, собака, до костей пробирает! Мороз сухой, трескучий, уже нос посинел! И скорее всего, не только нос.

А идти надо. Ночью овцы из загона сбежали, да только все целое – и забор, и замок, а животина все одно умчалась в поле. Хорошо, что следы на снегу видно, иначе все, конец ему и его семье. Остаться зимой без мяса – смерть; соседи, конечно, люди добрые, но своя рубаха ближе к телу.

Иван попытался согреть окоченевшие руки дыханием. Дала бы жена больше времени, собрался бы как следует, но нет, иди, говорит, Иван, ищи овец! Без мяса домашние, видите ли, помрут, а без мужика, что с ней станется? А с детьми? Дура она и есть дура, угораздило жениться на горластой доярке, повелся, дурак старый, на грудь ее молочную да на бедра широкие, что ж теперь плакаться, сам виноват. Коль поразмыслить, если она дура, а он дурак, то стоят они друг друга, два сапога пара.

На снегу он увидел алые пятна, поплохело Ивану, оступился, ноги увязли, перед глазами пелена встала белая. Неужто волки овец разорвали?! Да быть того не может, откуда тут зверь лесной? Давным-давно перебили тварей, каждый год сам с мужиками на охоту ходит, чтобы отвадить зубастых от деревни, так что же это?!

Заторопился Иван, вглядывается в снежную завируху, а крови только больше становится, будто трупы овец все разом кровоточить начали, как иконы чудные, которые из княжества в часовенку привезли. Разгневали они Студенца, ох, разгневали. Не место новому Богу в этих краях, тут всё еще старые духи правят, родовые, природные, древние, как сама земля.

Он прищурился, увидел странное, смахнул снежную пыль с лица, еще раз пригляделся – нет, точно! Лежит на земле пятно серое, а над ним огромный черный коршун склонился, важно головой вертит.

Заорав, Иван поднял палку, которую из дома захватить успел, бросился на коршуна, а тот возьми и поднимись на две ноги! Плащ развевается, глазищи блестят, а сам бледный как смерть!

Струсил Иван, попятился, запутался в ногах да так и сел в снег. А тварь неведомая наступала – медленно, не торопилась, зараза. По морде видно было, что мысленно уже освежевала тощее тело Ивана и сожрала, как и всех его овец!

– Чур! Чур! – заорал Иван, отползая прочь. – Чур меня! Чур!

От страха он ничего не видел, только глазищи горящие, встать не мог – скользили ноги, не слушались, колдовство, точно колдовство черное! А тварь все ближе подбиралась, не сбежать от нее, еще пара шагов – и всё, останется он тут лежать, рядом с…

Спиной Иван наткнулся на что-то теплое, опустил взгляд, а там кровь! Реки крови, как он прежде-то не заметил?!

Повернулся, а прямо за ним овца мертвая, глаза выпучены, будто от страха подохла, все пузо разворочено, кишки на снегу лежат, а вокруг красным-красно!

Испугался Иван, заорал было снова, но ощутимый пинок его в себя привел. Он дернулся, зашипев от боли, схватился за ногу и уставился на смурную девицу, которая и приложила его носком сапога.

– Беги, дура! – завопил Иван. – Там такое… Такое идет!

Только вот девица бежать не торопилась, смотрела на него сверху вниз, черный плащ за спиной хлопал. У пояса меч висел, а в руках она топорик держала – лезвие поблескивало задорно, видно было, что наточено знатно.

Иван уж с семьей попрощался – коли тварь бледная до него не доберется, то разбойница точно глотку перережет. Но время шло, а она не нападала.

– Овцы чьи? – Голос у нее был низкий, спокойный, от него мурашки по спине побежали.

– М-мои! – просипел Иван.

– Вставай, мужик, разбираться будем. – Руку подала ему, а он брать не спешил. – Ты примерз, что ли?

– А ты кто такая будешь? – с подозрением спросил он.

– Зачем выспрашиваешь?

Хотел ответить, да так и застыл с открытым ртом – из снежной завесы вынырнул настоящий мертвец! Не сойти ему с этого места, если врет!

– Заложный! – Иван собственного голоса не узнал, завопил как баба. – Заложный! Беги, девка, беги, я…

Еще один ощутимый пинок заставил его замолчать. От неожиданности Иван язык прикусил, во рту привкус крови почувствовал. Обиженно прижав пальцы к губам, он уставился на девицу, а та руки на груди сложила, смотрит волком, покойника совсем не боится! Да и тот нападать не торопится, присел на корточки, откинул капюшон, посмотрел глазами своими белесыми, ухмыльнулся губами сухими.

– Фто вы делаете? – Язык во рту начал распухать.

– Овец твоих собираем, не видишь? – Заложный обвел рукой поле.

– Так федь мертфые они, – удивился Иван. – Фачем они фам?

– Так и я не то чтобы жив.

Мертвец хищно оскалился, Иван решил было, что сейчас-то ему уж точно конец, но девица вдруг отвесила заложному подзатыльник. Тот зашипел, голову потер, а она только глаза закатила.

– Это могло быть больно, – обиженно пробормотал покойник. – Вставай, мужик, говорить будем.

– Да хто фы такие? – Иван понял наконец, что убивать его не будут, расслабился, и ледяная рука смерти перестала сжимать его сердце.

– Прибыл Мрачный Взвод. – Девица окинула его безразличным взглядом. – Так откуда, говоришь, сбежали овцы?

Глава 2. Варна

Никак простой люд не поймет, что зло и зимой не дремлет. Всем кажется, что нечисть вместе со зверями в спячку впадает и дрыхнет до весны, но уверенность эта обманчива и совершенно безосновательна. Конечно, сложно представить ведьму, завернутую в тулуп, еще сложнее поверить в то, что она в валенках по снегу бродит и на помело садится, но это не повод забывать о Студенце и его дрянном нраве. Перевертыши зиму любят, как и все твари, способные в животных обращаться, потому что зимой охотиться проще, можно к стае прибиться, никто не станет беспокоиться, если зазевавшегося охотника волки сожрут, – кто там проверять пойдет, не было ли среди зверья кого похуже? Но чем ближе Коляда, тем опаснее становится в забытых богом деревнях.

Варна ткнула Ивана в спину, чтобы поторапливался, – она замерзла, спина заледенела, сапоги мокрые, плащ висит на плечах неподъемным грузом, к полам прилипло столько снега, что можно слепить снежную бабу.

Дарий подставил лицо белым хлопьям и радовался как ребенок. Конечно, ему-то мороз не страшен.

– Болит еще?

Иван бросил на них трусоватый взгляд из-за плеча и покачал головой. Дарий напихал ему в рот целую пригоршню снега, чтобы язык не распух еще больше, и теперь мужик выглядел до крайности обиженным.

– Не дуйся, я ж не со зла.

– Не говори со мной, заложный. – Иван шустрее заработал ногами, прокладывая ими дорогу к деревне.

– Какой нежный, – фыркнул Дарий.

– Что тут странного происходит? – Варна завернулась в плащ, но теплее не стало.

– Да ничего не происходит. Живем себе, в ус не дуем, детей растим. Теперь на тот свет отправимся, верно, овец-то нет, есть нечего.

– Там не так страшно, как говорят, – попытался приободрить мужика Дарий.

Иван любезности не оценил, запыхтел, как загнанный конь, изо рта пар повалил и повис над ним непрозрачным облаком. Какой-то ранимый мужичонка попался, совсем шуток не понимает.

Деревня как деревня – улица, вдоль протоптанной дороги заборы стоят, за ними прячутся избы. Победнее, побогаче, но в целом – почти одинаковые. Правильно старики говорят: «Если видел одну деревню, считай, все повидал».

К каждой избе дорожка из еловых ветвей выложена. Ель – Древо Мироздания, местные хорошо подготовились к приходу Коляды. Пахучие ветви защитят дома от злых духов и прочей нечисти, волнами прущей из Черной Пади.

Варна прищурилась и разглядела в конце дороги покосившееся деревянное здание – крест блестел в предрассветных солнечных лучах, отбрасывал золотистые блики на дорогу. Значит, Слово даже сюда принесли, Светозарные времени зря не теряли.

– В нового Бога верите? – будто бы невзначай спросила она.

– А вы? – Иван плюнул на землю и остановился. – Верите, что где-то сидит старец, который ответы на все вопросы знает?

Для них существование «старца» было неоспоримой истиной. Как ведьмы черпают силу из крови и земли, заключая сделку со Зверем, так Светозарные присягают на верность Господу, получают Его благословение и возможность использовать особую силу против нечистых тварей. Разница заключалась в том, что Зверя Варна видела, а вот Бога – нет. Вряд ли на этой земле существовал человек, который узрел Его, так что неудивительно, что деревенские оставались язычниками.

– В дом вас не впущу. – Иван загородил собой калитку. – Хоть убейте, но не впущу.

– Тогда и со страстями Коляды сам разбирайся. – Варна надеялась получить хотя бы миску горячей ухи.

– Если вам приют нужен – вон, идите в часовенку, там все равно нет никого.

– Скотина ты неблагодарная, Ваня. – Дарий прижал мужика к забору. – Мы сквозь метель к вам пробирались, скакали без отдыха, лошади пеной изошли, а ты нам даже кров предложить не хочешь?

– Оставь его. – Варна стряхнула снег с плеча и окинула мужика тяжелым взглядом. – Когда на дом твой ляжет тень, когда ребенка подменят твари лесные, будешь в ногах у нас ползать, да только охотники Мрачного Взвода славятся хорошей памятью и дрянным нравом.

– Чур меня. – Иван оттолкнул Дария и юркнул во двор. – Чур!

Делать нечего, пришлось идти в церковь.

После ночного снегопада дорогу запорошило, идти было тяжело, зато удалось согреться. В церкви наверняка есть диакон или священник, отказать в помощи он права не имеет – оказывать посильную поддержку Взводу и Светозарным его обязанность.

– Сверкаешь, как начищенный медяк.

– Люблю зиму. – Дарий зачерпнул снег в ладонь.

– Не припомню, чтобы ты на Коляду веселился.

– Да и не в веселье дело. Сохну я в холоде куда медленнее. Помнишь, когда в последний раз ритуал проводили?

– Осенью.

«Через несколько дней после того, как ушел Свят».

– Вот, а скоро…

– Коляда и все ведьмы, что есть на земле, возликуют, проводя свои ритуалы.

– Какая ты мрачная. Веселее, праздники на носу, колядки, песни и…

Снежок угодил в плечо. Не ожидавшая такого вероломства, Варна пошатнулась и чуть не упала. Можно было прикрикнуть на него, а можно дать отпор, словно они вновь стали детьми… Вот только она отравлена Зверем, а он мертв.

Варна зачерпнула снега и кинула Дарию в лицо. Воспользовавшись замешательством друга, откатилась в сторону, слепила снежок и швырнула его следом. Снежок разбился о голову Дария, капюшон слетел, темные волосы разметались по плечам. Дарий припал к земле и юркнул за колодец.

– Сдавайся! – Варна спряталась за брошенной повозкой и налепила десяток новых снежков. Руки покраснели от холода.

– Ни за что! Я почти бессмертен, и у меня бесконечный запас снега!

Сражение не прошло без последствий – попавшееся на пути ведро разлетелось в щепки, пробегавший мимо пес получил снежком в бок, Дарий был ранен в плечо, грудь и голову.

Решив, что он сдался, Варна вернулась в укрытие и принялась готовить партию снежков, чтобы разгромить его окончательно. Но вдруг повозка натужно заскрипела. Варна вскинула голову и увидела над собой перепуганного упыря. Колеса прокрутились, он потерял равновесие и рухнул на подругу, погребя под собой труды последних минут.

Взметнувшийся снег запорошил лицо, попал в глаза и нос, Варна попыталась выползти из-под Дария, но он, хохоча, сжал ее в мертвой хватке. Его смех эхом отразился от домов, пронесся по дороге и вернулся к ним – громкий, свободный. Варна давно не слышала его.

– Я победил.

То ли от захлестнувших эмоций, то ли еще по какой-то неведомой причине Дарий клюнул ее в щеку холодными шершавыми губами. Она успела поймать его за воротник и прижать к себе, прежде чем он попытался отпрянуть.

– Мой нож упирается в твой живот, – прошептала Варна и уколола его острием для убедительности. – Ты мертв.

– Ну, я так не играю. – Дарий скатился с нее и уставился в посветлевшее небо. – У тебя всегда есть какой-нибудь фокус в запасе.

– Эти фокусы спасают наши жизни. – Она смахнула волосы с лица. – Признаёшь поражение?

– Но делаю это без удовольствия.

– Сойдет.

На пороге ближайшей избы Варна заметила розовощекого ребенка. Девчонка таращилась на них – и, наверное, довольно давно. Хорош Мрачный Взвод – вместо того чтобы искать зверя, который выпотрошил несколько десятков овец, охотники валяют дурака и друг друга.

Дарий показал девчонке черный язык, и та убежала в избу.

– Опозорились. – Варна встала и попыталась отряхнуть плащ от снега.

– Будто нам впервой. Зато сердцу весело. Что загадаешь на Коляду? Будем гадать?

– Ты слуга Господа, Дарий, гадания против правил.

– А мы никому не скажем. – Он подмигнул ей.

Его приподнятое настроение никак не вязалось с заданием, на которое их отправили.

Несколько недель округу изводила странная тварь. Казалось бы, смерть скота подозрений вызывать не должна, но когда гибнут целые стада, да еще и неподалеку друг от друга, это наводит на определенные вопросы. Волкам столько мяса не нужно, а две стаи на такой территории не ужились бы. Овец, которых охотники нашли в поле, просто загрызли, ничего странного в их гибели нет, так что, возможно, зов и правда ложный. Будет обидно, ведь во время Коляды можно поохотиться на кого-нибудь по-настоящему жуткого, а они тратят время в этой глуши, гоняясь за мороком.

В часовенке горел Живой Огонь – от жаровни поднимался дым, на полу лежал густой ковер из еловых лап. Внутри было тесно, но заброшенным это место не выглядело. Образа, канун – все натерто до блеска, каждый подсвечник, каждая икона сияла, отражая пламя свечей.

– От кого защищаешься елью? – Варна усмехнулась и поддела ветку носком ботинка.

– Сами знаете, что-то происходит тут, но никак не пойму, что именно. – Улыбчивый мужик средних лет поправил подрясник и подошел к ним. – Отец Ефим.

– Мрачный Взвод. – Дарий сел на лавку и вытянул ноги. – Нам бы поесть.

Священник прищурился, перекрестился, попытался даже пальцы к его лбу приложить, но Дарий успел перехватить руку и сказал:

– Обойдемся без попыток отправить меня в Навь.

– Я наслышан о тебе и хотел выразить свои соболезнования. – Ефим мягко разжал его пальцы и высвободил запястье. – Вижу, вам отдых нужен, но здесь нет ничего, ни еды, ни воды. Пойдемте ко мне домой, я вас угощу. – Ефим выглянул на улицу. – Темнеет, скоро ряженые ходить начнут.

– Будто без их тряпья да образин чертей на свете мало. – Варна кивнула. – Пойдем, раз зовешь. Убью за тарелку ухи.

– Надеюсь, убивать никого не придется. – Священник рассмеялся и пригладил волосы, еще не тронутые сединой.

Они вышли на улицу, оставив Ефима закрывать церковь. Дарий пристально наблюдал за ним, а потом спросил:

– Откуда он обо мне знает?

– Вещие вороны, охотники, мало ли кто мог рассказать ему байку про ручного упыря? – Варна пожала плечами. – Ты не о том думаешь, нам бы понять, откуда начать поиски твари, которая…

– Иван говорить с нами отказывается, а больше спрашивать некого, – перебил ее Дарий. – Не нравится мне этот священник, нутром чую, что-то с ним не так.

– Не там ты подвох ищешь. Совсем хватку потерял.

– Кто потерял, я?! – возмутился он. – Вот увидишь, найдем у него дома кости сваренных детей и…

– Я таким не промышляю. – Отец Ефим усмехнулся. – Но с удовольствием послушаю страшные истории о вашей охоте.

– Подслушиваешь? – Дарий прищурился.

– Побойся Бога.

Мягкая улыбка мужчины только сильнее злила упыря – Варна чувствовала, как все нутро Дария дрожит от возмущения. Странная реакция, обычно он уважительно относился к священникам – сам когда-то хотел стать одним из них. Быть может, Дарий переосмыслил свои взгляды.

Дом Ефима оказался обыкновенной избой, чуть беднее на вид, чем дома соседей. На калитке было что-то нацарапано, но надпись затерли. Хозяин виновато улыбнулся, когда заметил вопросительный взгляд Варны.

– Местные не очень рады тому, что в деревню пришло Слово.

– Что там было написано? – Она провела ладонью по шероховатому дереву.

– Изыди. – Ефим прошел во двор. – Они часто оставляют такие послания, то здесь, то на дверях церкви. Я не злюсь на них, люди темные, им нужно время, чтобы уверовать.

– Значит, насильно заставлять их верить ты не собираешься?

– Помилуйте, как можно? Вера либо есть, либо нет.

– Расскажи это солдатам, которые убивали тех, кто…

– Все мы не без греха, – перебил Дария священник. – Я несу крест своих ошибок, но за чужие отвечать не стану.

Варна хмыкнула. Ефим держался достойно и умело поставил Дария на место. Последний, конечно, ужасно злился, но ему иногда полезно было получить по носу.

– Чем богаты, как говорится.

Ефим впустил их в дом, расшевелил начавший было угасать огонь в печке и закрыл заслонку.

– Сейчас, там душенина в чугунке, пусть согреется, толку нет от остывшей. Может, сбору травяного? Сам сушил, подбирал так, чтобы приятно пить было. Добавил мяты, – заговорщицким тоном сообщил Ефим.

– Ну, давай сбору, – согласилась Варна.

Пока хозяин возился с самоваром, она решила согреть окоченевшие ноги. Сняла сапоги, закинула их на печку, придвинула к ней лавку и протянула к теплым камням посиневшие от холода ступни. Дарий показательно отсел к окну, всем видом давая понять, насколько недоволен происходящим.

– Тебе и тепла не надо? – спросил Ефим.

– Ему от него только хуже, – ответила Варна.

– Неужто?

– Знаешь, что с мясом происходит, если его в тепле оставить? – Дарий склонил голову к плечу, прожигая священника взглядом. – Так вот – я мясо.

– Дарий! – шикнула на него Варна.

– А что? Хотел ведь страшных историй, разве эта не самая жуткая? Нравится, отец?

– Ты юн и горяч, твои колкости меня не ранят. – Ефим выглядел скорее разочарованным, чем злым.

Дарий вскочил и вышел из дома, хлопнув дверью. Варна громко выдохнула, встала, налила себе травяного сбора и села на край стола.

– Вкусно пахнет.

– Сколько ему? Семнадцать? – Ефим открыл заслонку и взял в руки рогач.

– Через пару лет тридцать.

– Да что ты? А когда…

– Ему было чуть больше восемнадцати лет, ты прав.

– И он не стареет с тех пор?

– Как видишь.

– Страшное колдовство. – Священник поставил горшок на стол. – А еда? Есть ему тоже не нужно?

– Он мертв, отец. – Варна приподняла крышку и вдохнула крепкий мясной аромат. – Дарий не дышит, не спит, не ест, ему нужна только кровь.

– Господи спаси… – Ефим сел на трехногий табурет. – Какой ужас.

– Будешь причитать – он продолжит гавкать, в конце концов даже ты не выдержишь и завяжется драка. Я разнимать вас не стану, а у него, кстати, серп под плащом.

– Невзлюбил он меня.

– Ты живешь его жизнью. Накладывай, да побольше. – Варна кивнула. – Он не любит всех, кто способен взрослеть и выбирать свою судьбу.

Ненароком вспомнился Свят и их глупые пререкания. Взрослые мужики, а вели себя как дети. Но в конце Дарий повел себя по-взрослому, а ребенком оказалась она.

Варна вздохнула и принялась работать ложкой.

О Святе никто не говорил, все считали его погибшим. Вот бы и ей жить в неведении! Да только он на ее глазах обратился в пепел и взлетел в небо, окруженный ведьмами. Дарий принял его выбор, а вот она не примет никогда.

– Что за камень у тебя на душе лежит? – Ефим налил ей еще отвара.

– Там не камень, отец. – Она вздохнула.

– Я старше тебя лет на десять всего, можешь звать меня по имени.

– За что тебя, такого молодого, сюда сослали?

– Не хотел силой людей в свою веру обращать, – спокойно ответил мужчина. – Упирался, упирался, а потом пришли Светозарные с посланием, дескать, пора, батюшка, уезжать, если жить хочешь. Я и уехал, терять мне нечего.

– Хм. – Варна пожала плечами, но ничего не сказала.

– А ты во что веришь? Я вижу письмена на твоем клинке, но…

– Мрачный Взвод стоит на границе миров, веков и верований, – отчеканила она. – Если Господь откликается на молитвы, охотник может использовать его силу, но и языческих оберегов мы не чураемся.

– Интересная у вас жизнь, опасная, но хоть со скуки не помрешь.

– Зато просто помереть как нечего дел…

Дверь открыли будто пинком – в дом ворвалась женщина. Платок съехал с головы, лицо красное, заплаканное, богатый тулуп распахнут. Собиралась она явно впопыхах.

– Правду говорят, что вы охотники?!

Не дождавшись ответа, женщина упала на колени, приложилась лбом об пол, схватила Варну за босые ноги и запричитала:

– Помоги, помоги безутешной матери! Ушла, пропала дочка, не могу найти ее! Сама не знаю, как так вышло, калитка заперта была, а Машка возьми, да и…

– Стой, погоди. – Варна оторвала женщину от себя, отодвинулась и, не переставая жевать, спросила: – Как дочь твоя с моей работой связана? Мы поиском детей не занимаемся.

– Тут тварь рыщет, сама знаешь! Украла детку мою, украла! – Мать залилась слезами, Ефим присел рядом с ней и обнял ее за плечи. – Клянусь, не сама она ушла!

– С чего ты взяла? – Мясо в душенине было удивительно вкусное, нежное, крольчатина, наверное; отвлекаться от еды из-за чужих бед Варне не хотелось.

– Она никогда от меня не отходит, с рождения хвостом за мной, я…

– Прямо с рождения ходит? – Варна вздохнула, отложила ложку и наклонилась к женщине. – Ладно, что за девчонка у тебя? Во что одета была?

– Мелкая такая, светленькая, глазки голубые, ей шесть лет недавно исполнилось, совсем крошечная. А одета, ох, сейчас… – Мать крепко задумалась. – Шубку отец привез из Ясностана, красная такая, яркая-яркая, уж не знаю, чем они мех покрасили, но…

– Ясно, – перебила ее Варна. – Куда пойти могла? Сегодня Коляда, может, к друзьям убежала?

– Нет, Машка не могла, мала еще, никуда одна не ходит, да и друзей нет у нее. – Женщина замотала головой. – Помоги найти, а? Люди мы зажиточные, муж мой дегтекур[1], да какой! Постоянно в столицу катается, учит тамошних неумех деготь гнать да кожу выделывать с его помощью. Отплатим! Монет насыпем, сколько скажешь!

– Погоди с монетами. – Варна задумалась. – В округе действительно что-то бродит, но пока мы не узнали, что именно.

– Так узнайте! Пойдем в наш дом, напою, накормлю, перины мягкие, подушки пуховые! Только найди Машку мою!

– Я с вами пойду. – Ефим встал.

– Он что, не блаженный? – удивилась женщина.

– Кто тебе сказал такое? – в свою очередь удивился священник.

– Так все говорят.

– Мы ребенка искать будем или выяснять, хворый ты душою или нет? – Варна встала. – Раз решил – одевайся. По пути Дария захватим.

– Мы ведь не знаем, куда он ушел. Он может быть далеко. – Священник торопливо надевал тулуп.

– Не может. – Варна с сожалением сняла с печи не успевшие высохнуть сапоги. – Никуда ему от меня не деться.

Про зажиточность Светлана не соврала – изба у нее и правда была добротная, коньки резные, наличники на окнах напоминали кружево. Явно не местные дом строили, у этих бы и снежок круглым не вышел. Нет, хозяин, скорее всего, привозил плотников и зодчего из Ясностана. Забор белый, ровный, к крыльцу тропинка протоптана, а на ступенях сидел мужик, красивый, зараза, молодой, широкоплечий – богатырь, не иначе.

Увидел их, вскочил, кинулся навстречу. Глаза у него оказались голубые-голубые, точно вода в горном ручье. Варна, конечно, отметила красоту хозяина двора, но вот за руки себя хватать не позволила – вырвала пальцы из горячих ладоней и толкнула мужика в грудь.

– Прости мою горячность, – богатырь смущенно покраснел, – но тревога за дочь меня с ума сводит.

– Будет тебе волноваться. – Краем глаза Варна увидела, что к забору подошел Дарий. – Где видел ее в последний раз? Куда уйти могла? Жена твоя говорит, что друзей у девчонки нет.

[1] Дегтекур – человек, гонящий деготь из бересты. *Здесь и далее примечания автора.*

– Ей шесть лет, какие тут друзья? Да и не якшаемся мы с местными, я…

– Нос воротите? – Варна усмехнулась. – Дегтекур государев до общения с челядью не опускается, а?

– Что ж ты так… – Мужик смутился еще сильнее. – Беречь семью пытаюсь, лучшим обеспечить, увезти отсюда подальше – разве это плохо?

– Отчего ж? Это хорошо. Но и нос задирать не стоит, кто теперь поможет тебе, если не соседи? Может, кто-то видел Машку вашу, а теперь не скажет, потому что ты его обидел.

– Как можно? Ребенок же.

– Роста в тебе косая сажень, а наивный как младенец. – Варна огляделась, решая, с какого дома начать. – Люди совершают ужасные вещи, просто чтобы другого уесть, не слыхал о таком? Как там тебя?

– Василий. Вы с нами пойдете, отец Ефим?

– А как же. – Священник кивнул. – Нужно найти ребенка, пока солнце светит, после заката…

– После заката живой мы ее вряд ли найдем, – жестко закончила Варна. – Начинайте дома обходить, девчонка в красной шубке была, не заметить ее в снегу почти невозможно. Мы налево пойдем, а вы – направо. Встретимся у колодца, там и решим, что дальше делать.

Богатырь или нет, а в глазах слезы стояли. Неужто ребенок единственный? Эх, Василий, не священник в вашей деревне блаженный – в Коляду дочь из поля зрения выпустить, это ж кем нужно быть? А к ночи бабы гадать начнут, тьма сгустится над каждым домом, Слово не защитит тех, кто не верит, в деревню и черти прийти могут, и кто похуже.

В первом доме им открыла старуха, плюнула через порог, еще раз – через плечо, только после этого заговорила.

– Не знаю, – говорит, – никакой Машки не видела. Тесто замешиваю весь день, нет у меня времени за чужими сопляками приглядывать, своих полон дом.

– Можно быть и поприветливее с гостями, – проворчал Дарий.

– Не учи меня жизни, малец, – фыркнула бабка. – Уходите, не нужно злить Студенца своим присутствием.

– Да он мой старый друг. – Варна пошевелила замерзшими пальцами. – Не слышала разве, что Взвод…

– И нашим, и вашим служите, знаю, знаю. – Морщинистое лицо презрительно скукожилось. – Уходи, девка, – прошипела старуха, – не знаю я ничего.

В следующем дворе их даже за калитку не пустили – хозяин стоял насмерть, преградил им дорогу вилами, да только выронил их, когда Дарий капюшон снял. Никто не хотел в Коляду с Мрачным Взводом дел иметь.

Пока по улице шли и снег ногами загребали, наткнулись на ряженую малышню – мелкие совсем, лет восьми, в масках, бусами увешаны красными, платками цветастыми подвязаны. Один из них на Дария налетел, лбом ударился о его бедро и повалился в снег. Лежал на спине, барахтался, валенками сучил, его друзья хохотали, а помогать не торопились.

Варна взяла мальчишку за шиворот, поставила на ноги. Маска съехала с раскрасневшегося личика.

– Машку знаете? – спросил Дарий.

– Это которую? – деловито осведомился мальчик.

– Которая в богатом дворе живет.

– А то, знаем! – Малышня закивала.

– Сегодня видели ее?

– Я видел. – Ребенок в остроносой маске робко поднял руку. – По улице шла, корзинку за собой волочила.

– Волочила? – Варна задумалась.

– Большую такую, – кивнул мальчик. – Дошла до конца улицы и дальше пошла.

– Из деревни?

– Угу.

Дарий присел на корточки и что-то поискал в снегу. Через мгновение он протянул раскрытую ладонь, на которой лежали две золотые монетки. Варна взяла одну, пригляделась, но не узнала – таких монет в княжестве не чеканили.

– Это из твоего кармана выпало. – Дарий пихнул мальчишку в бок. – Где взял?

– Под подушкой нашел, – смущенно ответил ребенок. – Родители, наверное, оставили.

– Ну, держи тогда, больше не теряй. – Монеты звякнули, упав на дно кармана. – Как возвращалась Машка, кто-нибудь видел?

Ребятня только покачала головами.

Значит, ушла девчонка из деревни. Нужно бы родителям все рассказать и добавить, что надежд лучше не питать, – скорее всего, случилось непоправимое. Еще оставался шанс найти ребенка, но чем больше проходило времени, тем меньше была вероятность, что малышка просто заблудилась. Зло рыщет по земле в тысяче обличий, оно беспощадно, особенно в прóклятые ночи Коляды.

Как сказали родителям – Светлана расплакалась, Василий долго держался, но в конце концов его проняло.

– И что, так и бросим их? – Ефим кивнул на безутешных родителей.

– Мы попробуем найти ее. – Варна проверила, надежно ли закреплены ножны на поясе. – Но вряд ли вернемся с хорошими новостями.

– Так ты уже похоронила девчонку?

– Дети просто так со двора не уходят. Приманили ее, заговорили или одурманили, сомнений нет.

– Надеюсь, Господь защитил ее от беды. – Ефим сокрушенно покачал головой.

– Господь не может никого защитить, отец. – Варна кивнула Дарию.

– Возможно, Он сделает это вашими руками. – Священник перекрестил их.

Знал бы он, что от его благословения вреда больше, чем пользы, – тело скрутило, крест на груди Варны нагрелся. Захотелось дать Ефиму подзатыльник, чтобы впредь так не делал, но вместо этого она сжала зубы и отвернулась. Не нужно ему знать, что Варна обучена ведьмовству, – меньше знает, крепче спит.

– Щедрик, щедрик…

– Прекрати.

– …дайте вареник, чашечку кашки…

– Я тебя ударю.

– …кружочек колбаски…[2]

Варна пихнула Дария в плечо, тот хрипло рассмеялся. Едва деревня осталась позади, к нему вернулось хорошее настроение. Вот только радоваться было особо нечему – все следы запорошило, а солнце зимнее уже клонилось к закату. Девчонка будто испарилась, исчезла в снежной белизне.

– Ты такая серьезная, будто впервые ребенка нечисть жрет. На папашу глаз положила? – Лицо Дария исказила кривая ухмылка.

– Видала богатырей и покрасивее. – Варна прислушалась, вгляделась в белоснежное безликое поле, но на десятки саженей вокруг простирался только безмятежный зимний пейзаж.

– Светозарные вроде как не богатыри.

Варне захотелось пихнуть его, да посильнее. Смерть сильно испортила его характер.

[2] Народная колядка.

– Если пропала девчонка, значит, что-то действительно бродит вокруг. Возможно, ради этого нас сюда и отправили. – На вызывающее замечание Варна решила не отвечать, чтобы не развязать драку. Дарий-то вряд ли на нее кинется, а вот в ней еще бьется горячее сердце.

– Да волки задрали ее, вот и всё. Куда шестилетка могла пойти? Даже если нечистая сила замешана, от девчонки уже ни рожек, ни ножек не осталось.

Какое-то время брели в тишине, солнце покраснело, опустилось к горизонту – скоро света совсем не останется. Пары коротких факелов, которые они держат при себе, надолго не хватит, придется вернуться в деревню, чтобы самим не сгинуть. К утру надежды найти девчонку не останется.

– Щедрик, щедрик! – выкрикнул Дарий. – Дай мне вареник, чашечку каш…

– Тихо! – Варна услышала странный звук и замерла.

Ветки. Так звучат ломающиеся сухие ветки.

Варна кинулась к маячащей впереди полосе леса. Звук больше не повторялся, но звериное чутье подсказывало, что впереди происходит что-то, скрытое от их глаз.

Варна напряглась, нащупала внутри густую, липкую силу, ощутила прилив бодрости, увидела мир другими глазами – вокруг закрутилось, завертелось чудными вихрями колдовство. По заснеженному полю тянулись чьи-то следы, над ними клубилась черная дымка. Варна обернулась да так и замерла, открыв рот, – вся деревня была окутана мраком, но не черным, а лиловым, цвета сумерек. И не простой этот мрак, живой будто – он тек, переливался, расплывался в воздухе, как масляное пятно. Его танец завораживал, не пугал, что странно, и ведьмовской порчей не вонял – острый нюх Варны не улавливал могильного смрада, которым пропитано колдовство невест Зверя.

– Что там? – Дарий силился понять, на что она смотрит, но не было у него силы, способной показать сокрытое.

– Кто-то колдовал здесь и, кажется, все еще колдует. – Варна втянула носом морозный воздух. – Не ведьмы. Не понимаю, чем пахнет эта тварь, из Нави она пришла, что ли? Сил у нее очень много, всю деревню закрутила в своей пляске.

– Ничего себе вести. – Блеснул металл, Дарий достал из-под плаща серп с цепью. – Видишь что-то еще?

И она действительно увидела – огромный костер, искры рвались в небо, а вокруг ряженые плясали. Маски, платки, бусы, шкуры коровьи накинуты на тулупы, головы свиные насажены на палки, веселился народ, хороводы водил, только слышно ничего не было.

– Видишь их? – шепотом спросила Варна.

– Вижу.

Дарий присел на корточки, но глупо было надеяться остаться незамеченными в чистом поле.

От костра отошла фигура, буренкой одетая – на голове рога, тулуп наизнанку вывернут. В неверном свете огня она напоминала Зверя, но не исходило от нее зловещей силы, только знай искры летели, будто под одеждой еще один костер горел.

– Дальше-то пойте, – прокряхтела рогатая. – Э-хэй! Коляда, коляда!

– Подавай пирога! – заорали тени у костра.

– Щедрик, щедрик! – заголосило рогатое существо. – Дай мне вареник!

– Чашечку кашки… – робко продолжил Дарий.

– Кружок колбаски! Да еще мало!

– Дайте мне сала! – в один голос заорали навьи твари и закружились в хороводе.

Под гул и улюлюканье рогатый дух вернулся к костру, выхватил из огня горящую палку и, подскакивая от нетерпения, вновь приблизился к замершим охотникам. Склонив голову к плечу, существо протянуло факел Дарию. Он принял подарок и вопросительно уставился на дарителя, но тот уже ускакал к своим, завизжал, кинулся в огонь и взвился в небо пылающей

звездой. За ним последовали остальные, а в конце и костер исчез, даже кострища не осталось – только снег, будто и не было ничего.

– Что это было, Варна?

– Знала бы я. – Она прищурилась. – Ну-ка, посвети сюда.

Дарий опустил факел, и морок рассеялся – длинная цепочка детских следов вела прямо к лесу. Варна принюхалась – пахло сластями и дегтем. Машка здесь шла, точно она, но сколько времени с тех пор минуло?

Охотники побежали по следам. Что за балаган у костра был – непонятно, но об этом подумают позже, когда найдут ребенка или то, что от него осталось.

Спящие деревья скрипели, с веток елей то и дело падал снег, да не куда-нибудь, а прямо Варне за шиворот.

В третий раз стряхнув с плеча небольшой сугроб, Дарий сказал:

– Оно играет с нами.

– Считаешь? – Варна раздраженно стерла с лица холодные капли. – Мне вот ни черта не весело!

– Шутки у нечисти своеобразные. – Дарий остановился. – Видишь?

Кровь на снегу – плохой знак. Несколько капель, за ними – еще несколько, а потом и целую лужу нашли. Тянулся и тянулся кровавый след. Кто-то раненый пробирался сквозь чащу, причем упорно – ветки сломаны, будто…

– Тащили кого-то. – Последняя надежда найти Машку живой растаяла. – Найдем тварь, убьем, и дело с концом. Хоть бы косточку отыскать, чтобы родителям принести.

Вперед продвигались осторожно, неторопливо, а куда теперь спешить? Крови становилось все больше, сломанных деревьев тоже. Печально, но одна из тварей лесных явно полакомилась человечиной, а остатки трапезы в логово потащила. Судя по придавленным к земле деревцам, животное большое, не медведь ли?

– Погоди. – Дарий остановился. – Слабоумное животное какое-то, погляди, по собственным следам ходит, и мы за ним. Три раза мимо этого места прошли.

– Подождем здесь тогда. – Варна присела под большое голое дерево. – Не помереть бы от холода только.

Дарий сел рядом, расстегнул плащ и накинул на нее, будто укрыл большим черным крылом. Теплее не стало – об мертвеца не согреться, наоборот, от него веяло холодом. Но жест Варна оценила, легко толкнула друга плечом и нахохлилась. Можно было силой воспользоваться, от нее по телу жар разливается, но к Зверю обращаться не хотелось.

Где-то рядом затрещали ветки. Варна выхватила меч из ножен и приготовилась к схватке. Дарий встал за ней, цепь на серпе мелодично звякнула.

Мимо, шаркая ножками в крошечных валенках, прошла девчонка в красной шубке. Все бы ничего, да только она за хвост тащила огромного волка-перевертыша. Пасть у твари была раскрыта, глаза выпучены, из брюха кровь сочилась, оставляя на снегу жирный алый след.

Девочка их не заметила – прошла мимо, шмыгая носом. Откуда у нее силы, чтобы перевертыша тащить? Непохоже, чтобы ей было очень тяжело.

– Что за черт… – прошептал Дарий.

– Дай-ка.

Варна взяла у него факел и пошла по кровавому следу за девочкой. Нагнала ее, медленно поднесла огонь к ребенку, та остановилась, подняла голову, уставилась на охотницу затянутыми лиловым мороком глазами. Моргнула, еще раз, вдруг охнула и пошатнулась – колдовство вспыхнуло лиловыми искрами, вспорхнуло дымными птичками и взмыло в воздух. Глаза у Машки были как у отца – голубые-голубые.

– Что делаешь здесь? – осторожно спросила Варна.

– Потерялась я… – захныкала девчонка. – Потеря-я-ялась!

Хныканье превратилось в рев – перевертыша Машка отпустила, ручки в кулачки сжала, попыталась слезы сдержать, но они лились по красным щекам, заливали шубку и цветастый платок. Глаза стали точь-в-точь как ручей звенящий, оттаявший по весне.

– Хватит плакать, – строго сказала Варна, – отведу тебя домой, только ныть прекрати.

– Маменька не велит ходить с незнако-о-омцами. – Машка обхватила себя ручонками и заревела пуще прежнего.

– Она-то нас и прислала. Так, хватит, хватит рыдать. Как тут оказалась, помнишь?

– Бабушка ко мне подошла, сказала, что неподалеку волк ходит, что прикормить его надо, чтобы охотники убить его смогли. Он наших козочек таскал, мою Ми-и-илку загрыз…

И снова рыдания.

Варна выпрямилась, схватила девчонку за платок, повязанный вместо пояса, и закинула на плечо. Рев прекратился, Машка только взвизгнула от неожиданности. Охотница с Дарием обменялись непонимающими взглядами и пошли прочь из леса.

– Что потом было-то? – спросил Дарий. – Машка, а Машка? Что с волком стало, помнишь?

– Заборола я его, – с гордостью в голосе ответила девочка.

– Ага, – Варне показалось, что она вот-вот с ума сойдет, – ты, значит, с волком дралась?

– Так он первый начал! – возмутилась девочка. – Я попросила его уйти и козочек наших больше не трогать, а он полез драться!

– И что ты сделала?

– Я… – Машка замолчала. – Не могу сказать.

– Почему это?

– Слово надо держать.

– Какое еще слово? Говори, не то родители тебе уши оборвут! – пригрозил Дарий.

– Я хорошая девочка. – Если бы Варна могла, то увидела бы, как упрямо сжались Машины губки. – И я ничего не скажу. Хотя…

– Хотя? – Дарий нагнал их.

– Суженый там мой был.

Ноги заплелись, Варна чуть не упала лицом в снег, но вовремя успела отставить руку в сторону, чтобы сохранить равновесие. Дарий тихо рассмеялся.

– Какой еще суженый? – Впереди показалась деревня.

– Царевич! – звонко выкрикнула Машка. – Он помог мне волка побороть.

Варне захотелось ударить себя по лицу. Морок, ребенка околдовали и попытались сожрать, но что-то пошло не так. Да и не колдовали перевертыши никогда. Так что́ случилось в лесу? Какой «царевич» Машке помог? Глупо думать, что она сама зверюгу одолела.

– Он был на нас похож, царевич твой? – спросил Дарий.

– Нет, ни капельки. – Машка заерзала на плече.

– Значит, не на охотника наткнулась, – задумчиво протянул он.

– Черт знает что происходит. – Варна склонилась к уху Дария и прошептала: – Останемся в деревне на ночь, может, она вспомнит что-то еще.

Пока они шептались, Машка извернулась, достала из кармана шубки несколько диковинных монет и стала бросать в свои следы, чтобы царевич нашел ее. Их хватило как раз до деревни – теперь он точно не заблудится.

Отнекиваться от благодарных родителей оказалось бесполезно – Светлана затащила Варну в дом, Василий Машку с рук не спускал, качал, обнимал. Даже завидно немного стало.

У Дария семьи никогда не было, а у Варны была, но такая, что лучше уж быть сиротой. Тепло дома, любовь, забота – все это им незнакомо. Зато Машка как сыр в масле каталась, залюбленная, заласканная девчонка.

Светлана решила, что охотникам лучше у них остаться, раз уж первый день Коляды сикось-накось прошел.

– Завтра-то устроим гуляния! – пообещала женщина. – Прости, отец, но мы от своих обычаев не откажемся.

Ефим рассмеялся, кивнул и сказал:

– Крестом я вас пугать не стану, а коль разрешите, еще и у костра попляшу.

– А как же Бог твой? – прищурилась Светлана.

– Он не имеет ничего против плясок и песен.

Дарий стоял у окна, в тени, подальше от посторонних глаз. Непонятно, узнали ли хозяева, кто он, но пугать их ему явно не хотелось, упырь даже капюшона не снял.

– Останемся тут, попробуем узнать, что за чертовщина творится. – Варна потянула его за собой. – Нам комнату личную выделили, представляешь? Говорят, перина мягкая, подушки пуховые.

– А завтра гадать будем! – подхватила Светлана. – Вам ведь можно гадать?

– Нам все можно, – кивнула Варна.

– Царевич! – вдруг выкрикнула Машка.

Спрыгнула с коленей отца, кинулась к окну, оттолкнула Дария и прижалась носом к стеклу.

– Кого ты… – Он прищурился, вглядываясь в темноту.

– Кто там? – не поняла Светлана.

– Почудилось! – Недовольная Машка повернулась к собравшимся.

– О ком она говорит? – тихо спросил Василий.

– Завтра и узнаем, – шепотом ответила ему Варна.

Глава 3. Святослав

Он был осенним ветром, пеплом, всем сущим, дыханием мира. Свобода, которую никогда не познать смертным, ощущение безграничности Яви, осознание себя частью чего-то большего – вот что он испытал, обратившись.

Исчезло время, исчезло расстояние – они пересекали время, жизни, алой линией прорезали небо, приводя в ужас тех, кто их видел. Кто-то называл их падающими звездами, кто-то – дурным знамением. Но они были прекрасны, как лучшее творение Бога, и безжалостны, как истинные слуги Зверя.

Путешествие оборвалось резко, его потянуло к земле. Он рухнул в траву, как подбитая птица, заметался, забил крыльями, но они вдруг исчезли. Тяжесть плоти, необходимость дышать – все это так обременительно! Воистину, быть человеком – самое жестокое наказание.

Он сел и поднял лицо к темному небу. Его сопровождающие опускались на землю мягко, легко принимая свой временный облик. Звезды, птицы, клубы пара – все они обратились в женщин. Их фигуры скрывали плотные плащи, сотканные из мрака, лишь бледные лица сияли, освещенные луной.

Одна из ведьм поманила его за собой, мрачное шествие двинулось к лесу.

Он встал, ощутил тяжесть тела, пожалел, что не смог остаться ничем. Как просто было бы развеяться по ветру, забыть о деле, которое привело его сюда. Но память вернулась, а вместе с ней вернулся страх.

Гореслав с самого начала знал, что Свят не такой, как другие. Возможно, чувствовал, что клинок мальчишки, которого он растил с самого детства, прервет его жизнь. Но все равно ничего не сделал, чтобы этого избежать. Святу нравилось думать, что нападение не стало для наставника неожиданностью, иначе придется признать: Гореслав был последним дураком.

Глупцом, решившим, что сумеет обуздать силу, во много раз превосходящую его собственную. Гореслав натаскивал Свята, как собаку, взял под опеку сопливым щенком, надеясь вырастить очередного ярчука. Но к псам он относился намного лучше.

Свят смахнул волосы с лица, собрал их и начал плести косу. Ведьмы плыли вперед бесшумно, не касаясь ногами земли, а под ним трещали ветки. Мог ли он подумать, что будет идти среди них? Что сам решит оставить меч, разящий нечисть, чтобы примкнуть к ним? Наверное, догадывался, что этим все и закончится. Что-то внутри подсказывало, что дорога, освещенная божьим светом, не для него. Его путь лежит сквозь мрак.

Убежищем ковена была землянка, выкопанная меж корней огромного многовекового дуба. За крепкой дверью притаилась изба, добротная, теплая, пахнущая ворожбой и травами. Ведьмы, словно тени, разбрелись по углам. Лишь одна осталась рядом.

– Мы будем ждать, пока Навь подойдет ближе, – сказала она.

– Как долго?

– До зимы.

– И что я буду делать все это время?

– Готовиться. – Ведьма пожала плечами. – Кем бы ты ни был рожден, рос ты как смертный. У тебя будет всего один шанс, Святослав. – Из-под складок рукава показался скрюченный костлявый палец. – Никто не может войти в Навь дважды.

– Значит, я справлюсь с первого раза.

Справится или умрет, затеряется среди мертвых, станет одним из них. Страшит ли его такая участь? С недавнего времени – нет.

– Где я окажусь?

– Неправильный вопрос. – Ведьма подошла к щербатому столу и положила на него старую книгу. – Не «где», а «когда».

Ковен учил его терпению. Ведьмы часами стояли неподвижно, перемещаясь по миру с помощью птиц и зверей. Им не нужно было выходить из убежища, они просто вселялись в тварей земных и использовали их как извозчиков.

Он пытался понять, как это сделать, но ничего не выходило. Несколько раз почти получалось, но звери мгновенно дохли. После очередной попытки одна из ведьм грубо швырнула ему на колени зайца, из ушей и носа которого сочилась темная кровь.

– Ты убил его. – Ее тон был осуждающим, ему не нравилось такое обращение.

– Мне действительно пригодится это в Нави?

– Там пригодиться может что угодно, – вмешалась в разговор Старшая.

– Вы никогда там не были, – сказал он.

– И это нас не шибко расстраивает, – хрипло хохотнула ведьма. – Думаешь, есть дуры, которые добровольно туда пойти хотят? Мы только храним знание и довольны этой участью.

Ведьмы боялись его, держались неприветливо и отстраненно, но он чувствовал дрожь, мурашки, пробегающие по сморщенной коже, когда его взгляд останавливался на них. Они сделают то, о чем с ним договорились, и будут надеяться, что из Нави он не вернется.

Старухи хотели научить его терпеть боль, но он едва не рассмеялся, когда увидел розги в руках Старшей. С готовностью разделся и подставил ей спину. Что бы она ни собиралась с ним сделать, Гореслав творил вещи во много раз хуже. Кожу Свята испещряли шрамы, она огрубела. Визг розог, рассекающих воздух, не страшил, боль от ударов напоминала обжигающее касание огня, но он даже зубы не сжал, а потом обтерся рубахой и кинул ее в печь.

Бóльшую часть времени они проводили в тишине, нарушаемой лишь треском огня и воем ветра. Этот ковен вел тихую жизнь, хранил знания о Нави и о том, как туда попасть. Как сказала Старшая, за всю ее долгую жизнь они проводили в иной мир лишь двух человек, которые так и не вернулись.

Его возвращения она не просто не ждала – боялась, что он вернется.

Навь приблизилась к Яви зимой, как и обещали ведьмы. Ночью Старшая разбудила его и поманила за собой. Она подвела Свята к окошку и указала на мерцающие тени, идущие сквозь лес. Эти бесплотные существа походили на эхо, оставшееся от людей.

– Пора. – Ведьма вышла в общую комнату, а он еще несколько минут смотрел на неспешное шествие душ.

Они погасили огонь в камине, единственным источником света осталось жутковатое сияние духов, проходящих сквозь стены дома. Старшая указала на сложенную одежду. Свят быстро надел рубаху, узкие штаны и высокие сапоги. Одна из ведьм поднесла ему плотные кожаные нарукавники, которые должны были защитить его предплечья от острых зубов. Вторая помогла закрепить что-то вроде брони из того же материала – он закрыл живот и грудь. Кто-то собрал его волосы в затейливую прическу из кос, кто-то нацепил наколенники и накладки на бедра. Бледные руки закрепили ремень с ножнами, а затем повесили на него серп. Тяжелый

плащ застегнули крупной брошью, Свят оглядел себя и понял, что собирают его не в бой, а в могилу – надели все самое лучшее, чтобы похоронить во всем воинском великолепии.

– Ни крика, ни стона, – заунывным голосом произнесла Старшая, – не услышит Явь, отныне твой путь лежит через Навь. Отринувший Бога, заплутавший во тьме, по собственной воле он бродит во мгле. В царство безмолвия ты держишь путь, запомнить дорогу назад не забудь.

– Ни крика, ни стона, ни слова, ни шепота… – прошелестели ведьмы.

– Ни крика, ни стона, ни слова, ни шепота…

Цепкие пальцы обхватили ноги и руки, Свята поставили на колени. Он попытался вырваться, но оказался скован колдовством. Кто-то потянул его за волосы, голова запрокинулась, над ним склонилась Старшая. Твердой рукой она сжала его челюсть, рот открылся сам собой, и ведьма вылила в него содержимое резного кубка.

Он не смог даже закричать – обжигающая масса выжгла его дотла. Что-то затвердело в горле, прижало язык, заполнило рот. Показалось, что он сейчас задохнется, но Старшая не отпускала его. Совладав с паникой, Свят уставился на ведьму слезящимися от боли глазами, та кивнула и отошла.

– Теперь твои уста запечатаны. Навь – место тишины. Тот, кто скажет слово, разбудит мертвых. Мы не можем этого допустить. Пойдем, отринувший Бога, пойдем с нами. Мы проведем тебя к дороге, на которой ты можешь встретить как смерть, так и спасение.

Они влились в поток сияющих душ и бесшумно двинулись вперед. Свят застыл, когда перед ним выросла бревенчатая стена, но ведьмы подтолкнули его, и тело легко прошло сквозь преграду. Границ больше не было, колдовство стерло их.

Ночь показалась ему настолько прекрасной, что он не смог сдержать слез. Яркие звезды сияли над головой, свет луны ласкал его, словно прикосновение любовницы. Ее лучи – это руки, они гладили его, обнимали, согревали сердце. Святу показалось, что он снова влюблен и что ему наконец ответили взаимностью.

«Так вот каково это», – подумал он, и эта мысль отозвалась болью во всем теле.

Если бы мог, усмехнулся бы, но воск, залитый в рот, стянул губы. Отринул Бога, поддался тьме, готов спуститься в глубины Нави, но так и не ощутил человеческой любви. Мертвая мать признала только Златослава, ведьма, взявшая его на поруки, вообще не ведала, что такое любовь, Гореслав видел в нем только средство для достижения собственных целей, а она…

Из ноздрей вырвались облачка пара.

Он знал, что такое боль, и мог с уверенностью сказать, что сердце всегда болит сильнее всего.

Они остановились у реки. Духи входили в ее воды, она поглощала их, уносила в иной мир.

Ведьмы выстроились в ряд, Старшая вышла вперед и сказала:

– Иди вдоль реки и придешь куда следует. Не оглядывайся, не говори, отринь людское. Но помни имя свое, ибо оно – единственная нить, связывающая тебя с Явью. Забудешь имя – сгинешь, пропадешь среди немых и забытых. Память нужно хранить бережно. Ты жив, пока тебя помнят. Ступай, Святослав, найди то, что ищешь, и возвращайся.

Еще раз взглянув на огромную луну, прекрасную, недостижимую, Свят позволил ее лучам коснуться лица, развернулся на каблуках и пошел вперед. Снег скрипел под ногами, незамерзающая река ревела по левую руку.

Не оглядываться. Не говорить. Отринуть людское.

Будет ли кто-то его помнить? Будет ли помнить она?

Вскинув подбородок, он сжал рукоять серпа и сделал шаг в темноту.

Глава 4. Варна

Когда в последний раз удавалось так хорошо выспаться, Варна не помнила – вся ее жизнь состояла из изнурительного пути, коротких ночевок в убогих ночлежках и, конечно, охоты. Простой люд Мрачному Взводу не помощник – их боятся, недолюбливают, но вызывают, как только в подызбице заведутся черти.

Благодарность Светланы и Василия пришлась как нельзя кстати – удалось и ноги согреть, и одежду высушить. Таких мягких перин Варна никогда не видела, уснула раньше, чем голова коснулась подушки. Обычно ей снились чудные сны, иногда кошмары, но в эту ночь была лишь темнота.

Проснувшись, она посмотрела в окно, увидела, что солнце уже поднялось над горизонтом, и резко села. Неужели спала так долго? Принюхалась – пахло свежим хлебом и закваской. В животе заурчало. Когда она ела в последний раз? Ах да, вчера в доме Ефима. Отличная была душенина. От воспоминаний рот наполнился слюной. Если не поест – сожрет кого-нибудь из местных.

Варна почувствовала неприятное жжение и, оттянув ворот рубахи, заглянула под нее.

На светлой коже проступили черные вены. Видеть похожее ей доводилось не раз – когда Дарий начинал сохнуть, черные ветвистые линии появлялись на его шее. Варна мысленно выругалась и попыталась оттереть заразу пальцами, но ничего не вышло.

– Как спалось? – Из-за печи вынырнула Светлана.

Варна даже засмотрелась на нее – настоящая красавица, косища с руку толщиной, выбившиеся волосы прилипли ко лбу, глаза блестят, щеки розовые, руки в муке. Сарафан подчеркивал пышные бедра, достойная пара для богатыря вроде Василия. Неудивительно, что и девчонка у них получилась настоящая сказочная царевна. Кстати, о царевнах.

– Давно я так не отдыхала, спасибо.

Варна села на лавку и посмотрела в окно. Дарий и хозяин дома стояли у крыльца и о чем-то беседовали.

– Как Машка? – спросила Варна.

– К бабушке ушла. Да не смотри ты так на меня, Васька отвел ее. – Светлана рассмеялась. – Теперь глаз с нее не спускает.

– Говорила она еще что-то?

– Нет, только про царевича этого заладила. – Хозяйка вытерла руки о фартук и взялась за рогач.

– Дай помогу.

Варна отобрала у хозяйки ухват, достала из печи горшок, поставила его на стол. Тяжелый, зараза.

– Силачка ты, как я погляжу. – Светлана зацокала языком. – Как тебя занесло в Мрачный Взвод, а?

– Долгая история. Так что там с царевичем?

– Да бредит, мало ли что ей привиделось в лесу. Или вы нашли что-то?

О перевертыше они местным не рассказали. Нужно будет вернуться в лес и проверить, что с ним стало. Потом сожгут тело, оплату требовать не будут, не сделали ничего, Машка сама справилась.

– Спас ее, говорит, – не дождавшись ответа, продолжила Светлана. – Помог в лесу не сгинуть. Зови друга своего, пусть поест.

– Он не ест. – Варна зачерпнула ложкой густой бульон и с удовольствием почувствовала, как горячие щи согревают ссохшиеся от голода внутренности.

– Совсем, что ли? – Светлана села на табурет рядом. – А что с ним? Чудной такой, капюшон не снимает.

– У него уродства. – Эту легенду они всегда рассказывали, если не хотели пугать людей.

– Будет врать-то, – вдруг сказала женщина. – Ефим объяснил все еще вчера, пока вы Машку искали.

– Язык у него без костей, – проворчала Варна. – И не страшно вам?

– Он ребенка моего спас, пусть хоть чертей под плащом носит, мне все равно, – пожала плечами Светлана. – Немного боязно, конечно, мы такого не видели никогда, но чего только на свете не бывает. Что дальше делать будете?

– Проверим кое-что, – медленно начала Варна, – а потом уедем.

– Куда это ты собралась? – возмутилась хозяйка. – Сегодня гадать будем! Коляда, коляда…

– Привлечете ведь нечисть своими гаданиями. – Спорить было бесполезно, но Варна не оставляла попыток. – От чертей или святочницы я защищать вас не стану.

– Мать моя гадала, и ее мать, и прапрабабка тоже, и ничего! Пусть новый Бог или смирится, или уходит из моего дома.

– Не стоит гнать Его от себя, в такое время любая защита хороша, – попыталась урезонить ее Варна.

– Если это он мою дочь спас, приняв облик солнцеликого царевича, – так тому и быть, найду в своем доме место для красного угла.

– Солнцеликого?

– Машка говорит, что светился спаситель ее, сиял.

Варна доела щи, поблагодарила Светлану, клятвенно пообещала вернуться к вечеру и вышла из дома. Василий кивнул ей, пожал руку Дарию и поспешил оставить их.

– О чем говорили?

– Ни о чем, спрашивал, каково быть мертвым. Обычное человеческое любопытство.

– Нам нужно коня раздобыть, хотя бы одного. – Варна огляделась. – Не видел, у кого во дворе конюшня есть?

Своих они потеряли по пути сюда – попали в буран, лошадь Дария поскользнулась и сломала ногу, пришлось убить ее, чтобы не мучилась. Вторая кобыла сбежала – тупое было животное. Стоило Варне спешиться, как лошадь встала на дыбы, вырвала повод и ломанулась прочь, подальше от Взвода и его темных дел.

– Видел, угадай у кого.

По хитрому прищуру Дария Варна поняла, что ответ ей не понравится. Кивком она дала понять, что готова услышать страшную правду.

– У Ивана. Он вообще тот еще скотовод…

– И сам скотина, – фыркнула Варна.

– Не без этого.

Ничего не поделать – пошли к Иванову двору, крикнули хозяина, да ответа ждали долго, хотя Варна видела, что тот дверь приоткрыл и наружу выглянул. Не хотел выходить, подлец, но настойчивость сделала свое дело – вывалился на крыльцо, запахнул тулуп, посмотрел с

вызовом. Штанов на нем не было – из-под меховой одежки торчали две худые лохматые ноги с острыми коленками, зато на голове была ушанка, только надетая набекрень.

– Эй, хозяин, – громко сказал Дарий, – нам бы коня.

– Чур меня! – рявкнул Иван.

– Со мной-то ты говорить можешь? – Варна оперлась на забор. – Продай коня, хотя бы одного.

– И не подумаю. – Мужик задрал нос. – Не для того я растил их, чтобы кому-то вроде вас продавать.

– Мужик, ты по тонкому льду ходишь. – Дарий вытащил из-под плаща серп.

– Угрожай, угрожай, да только вы не можете простому люду вред причинить, слышал я о ваших законах.

– Убивать не можем, но по роже съездить – это запросто.

Мужик нахохлился, но тут же расправил плечи, топнул ногой и рявкнул:

– Нет для вас коней! Уходите!

Они дождались, пока Иван скроется в доме, переглянулись и, не сговариваясь, побрели прочь, но только для того, чтобы скрыться из поля зрения. Обойдя двор, они прошли вдоль забора, утопая по колено в снегу, перелезли через частокол и, прячась в тени облетевших деревьев, пробрались к конюшне.

Постройка была добротная, внутри тепло оказалось, лошади стояли в отделенных друг от друга стойлах. Может, как человек Иван гниль гнилью, но как хозяин точно ответственный. Животные ухоженные, шерсть блестит, бока лошадей лоснятся.

Загвоздка в том, что не всякая лошадь мертвеца повезет.

Стоило Дарию подойти ближе, как животные заволновались, попятились, уши к головам прижали, одна жалобно ржать начала. Варна разочарованно обвела стойла взглядом и увидела невзрачную кобылку, серую, с черной челкой. Стоит себе, сено жует, даже ухом не повела, когда подружки ее с ума сходить начали.

– Ну, выбор сделан. – Варна сняла со стены узду и поманила лошадь к себе.

– Коротконогая она какая-то.

– С тобой выбирать не приходится. Радуйся, что хоть такую нашли.

Она накинула на спину животного потник, стремя, наложила седло, Дарий занялся главной подпругой. Управились быстро, вывели лошадь на улицу, кое-как уместились вдвоем на ее спине. Выехали через ворота для скота, чтобы Иван не увидел, как у него скотину воруют. Если повезет, животное они вернут в целости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.